

Невы, Фонтанки и всех каналов и разлилась почти по всем улицам. Залила все нижние этажи, так что у меня внизу в кабинете было более аршина над полом — бедные мои лошади сначала плавали по двору, потом мы их втащили в комнаты внизу, где им было воды выше колена, — у нас, слава богу, все благополучно окончилось — страху не было ни сколько, напротив того, Анеточка, которую я к себе перевез заблаговременно из папинькиного дома, много смеялась вместе с Варинькой¹. В этот день папинька и маминька были в Приютино² и ничего не видели — Алексей и Петр³ в Москве, и так Анеточка одна оставалась дома. А m-me David с барышнями — я расчел при начале наводнения, что ей гораздо лучше быть с ними в такое ненастие, за продолжение которого нельзя было отвечать. Я перевез ее по воде в актерской карете, которую поймал на улице. Первая вещь, о которой я подумал, это провизия, и сделал запасу хлеба и мяса на два дня, потому что нельзя было знать, сколько времени простоит вода, да к тому же, хотя она и сошла в 8 часов вечера, но так как у всех булочников и у нас в нижнем этаже размыло печи, то многие с трудом доставали хлеб, и мы с нашим запасом были без нужды. В Галерной гавани, на Васильевском и Петергофской дороге снесло множество деревянных домов — на Неве видны были дома, плывущие с жителями на кровле, отломки барок с людьми и разные ужасные картины, целые купеческие галиоты выбрасывало под окны домов, стоящих на набережных, и эти галиоты, плывущие по набережной, сбивали колонны балконов и фонари городовые. Мосты все сорвало — одна карета, ехавшая на мосту близ Летнего сада, четвернею с дамами, полетела в Неву и пропала — множество людей погибло на улицах, некоторых спасали в окна домов, иные спасались на досках и бревнах, которые множество несло по улицам, — мимо нас плыли будка часовых гаубвахты с сошками, ясли, в которых извозчики по улицам кормят лошадей, графины, бумаги, книги, всякая всячина. Все улицы, когда вода сбыла, покрыты были ломом, — а на Васильевском острове и Петергофской дороге проезду не было — там, где были дома, там сделались площади, где были площади, туда принесло дома. Убытки города неисчислимы — думают, что на одной бирже пропало товаров и переломано на 80 миллионов. Много сахара растаяло, так что здесь сахар по 60 рублей пуд, но думают, что опять цена спадет. Людей потопших считают около 4 тысяч⁴ — более женщин — нежели мужчин, — у нас в домах, слава богу, все вынесено было заблаговременно в верхний этаж, так что мы ничего не потеряли. Государь во все время смотрел из Эрмитажа на сие несчастное зрелище, видя погибающих, предложил моему дивизионному командиру Бенкендорфу ехать на катере их спасать — хотя буря была ужасная, но Бенкендорф с одним морским офицером, который командовал катером, спасли 9 человек⁵. Государь пожаловал Бенкендорфу табакерку с своим портретом и 50 тысяч рублей, а офицеру Владимирский крест 4-й ст^{епени}. Теперь учреждена комиссия для вспоможения потерпевшим несчастным жителям. Государь дал в оную 1 миллион рублей на первый раз. Все партикулярные люди делают пожертвования⁶. Учреждены 3 временных генерал-губернатора в тех частях города, которые более потерпели, — 1) Бенкендорф, 2) Депрерадович и 3) граф Комаровский, генерал-адъютант⁷. Вот вам, милая маминька, описание несчастья, которое стоит несчастий, которые претерпевают города во время войны.

Рассказывают тысячи трогательных историй насчет пострадавших — все веселья города прекращены были на несколько дней.

Автор следующего письма — чиновник Коллегии иностранных дел Михаил Михайлович Устинов (1800—1871); адресовано оно младшему брату Адриану Михайловичу (1802 — после 1882). А. М. Устинов, вышедший в отставку в 1828 г., в 30-х годах встречался с Пушкиным: истории их взаимоотношений посвящена статья К. В. Шилова [35],